

*Майра**Жанузакова*

БЛАГОДАРИЮ СУДЬБУ ЗА ДРУГА

В близком окружении каждого из нас наверняка есть человек, к которому испытываешь не просто дружескую привязанность и симпатию, но и огромное, искреннее уважение – за его дела и поступки, за личностные качества, за то, как он ведет себя в тех или иных жизненных ситуациях. Для меня таким человеком стал Ерлан Сатыбалдиев – известный издатель, талантливый писатель-переводчик, генеральный директор издательства «Мектеп», уважаемый Ерлан Абенович, как его теперь величают коллеги, а для давних друзей и старинных приятелей, к которым я смею причислить и себя, – просто Ера. Мое уважение к нему сформировалось много лет назад и с каждым годом только крепнет, подпитываясь новыми проявлениями благородства его натуры.

Мы познакомились в далеком 1979 году, когда директор нашего издательства К. Н. Найманбаев пригласил Ерлана возглавить только что сформированную в «Жалыне» редакцию художественного перевода на русский язык. Калдарбек Найманбаевич был дальновидным руководителем, доверял и смело продвигал одаренную молодежь, что в советское время, особенно в издательской среде, было довольно редким явлением. Он сразу узрел в молодом редакторе издательства «Жазушы» перспективу, к тому же Ерлан вместе со своими друзьями-сокурсниками К. Бакбергеновым и Б. Каирбековым, если я не ошибаюсь, стали первым выпуском профессиональных литературных переводчиков с казахского, подготовленным Литинститутом имени М. Горького, что послужило решающим аргументом в выборе директора.

Сама я в ту пору была новичком в издательском деле, пришла в «Жалын» несколько месяцев назад после окончания журфака КазГУ, занималась подготовкой тематического плана издательства и рекламой книжной продукции. А через полгода уговорила начальство перевести меня в редакцию к Ерлану. Интересная деталь: после окончания Литинститута он несколько лет трудился в переводной редакции издательства «Жазушы», которой заведовала Фарида Жанузакова, моя мама, а теперь под его началом и тоже в переводной редакции стала работать я. Она ценила Ерлана как редактора, сожалела, что лишилась толкового работника, хотя отнеслась к его переходу с пониманием: «таланту надо расти».

Поначалу Ерлан кропотливо разъяснял мне обязанности редактора, внимательно читал мои редзаклучения, отвечал на бесчисленные вопросы, поддерживал в общении с авторами и давал ценные советы, поэтому я благодарна ему за активное

участие в моем становлении в качестве литературного редактора. И не только. С его благословения я впервые обратилась к художественному переводу с оригинала. Поначалу это казалось архисложным. Как большинство молодых столичных казахов того времени, выросших в русскоязычной среде, родной язык я знала на минимальном бытовом уровне. Впервые столкнувшись с литературным текстом, спотыкалась на каждом втором слове. Благо, рядом был Ерлан – он стоически терпеливо переводил и объяснял мне бесконечную череду непонятных слов и выражений, по сути став моим главным «толковым словарем». Так что своими успехами на стезе переводчика я тоже отчасти обязана Ерлану Сатыбалдиеву.

Атмосфера в нашей редакции была очень теплой, все быстро сдружилось, отмечали вместе праздники и дни рождения, тесно общались и вне стен издательства. Ерлан никогда не позиционировал себя нашим начальником, мы видели в нем скорее наставника, но такое «равноправие» для него самого создавало сложности. Мы были молоды, еще не нагулялись, поэтому частенько нарушали трудовую дисциплину, опаздывали, срывали рабочие графики, а доставалось-то за наши грехи ему – заведующему редакцией. Когда долготерпению шефа приходил конец, он принимался нас отчитывать. Особенно доставалось мне за дурную привычку тянуть работу до последнего момента, а потом переключаться на авральный режим. Ерлан задавал строгача, я начинала спорить, огрызалась, иногда даже ссорилась, но на следующий день обо всем забывали, а он лишь в шутку констатировал: «Упрямая и вредная, вся в бабушку-татарку!» (моя бабушка по матери действительно была чистокровной татаркой). Дважды в год к Дому издательства со своей миссией подъезжал фургон станции переливания крови, и Ерлан обычно со смехом командовал: «Майра, иди срочно сдавай татарскую кровь!»

Несмотря на все прегрешения, Ерлан стоял за нас горой, спасал от дисциплинарных взысканий и отстаивал наши квартальные премии. Благодаря природному такту и дару дипломата ему всегда удавалось разруливать потенциальные конфликты, умирять гнев начальства, гасить недовольство авторов. К нему прислушивались, с его доводами соглашались. А я шутливо прозвала его за это умение ко всем найти нужный подход Абенóвичем.

Ерлан умеет сплачивать, поэтому практически со всеми, кого он привлек в круг постоянных рецензентов и переводчиков нашей редакции, у нас завязались дружеские отношения. Это Бахыт Каирбеков, Бахытжан Канапьянов, Кайрат Бакбергенов, Орынбай Жанайдаров, Любовь Шашкова, Надежда Чернова, Валерий Михайлов, Бахытжан Момышулы и многие-многие другие. Не без его участия «жалыновцами» стали Александр Шмидт и Вячеслав Киктенко.

К нему тянулись и авторы, не обязательно те, над чьими рукописями мы работали. В редакцию заглядывали и аксакалы, и писатели среднего поколения, и молодежь. А некоторые визиты становились для нас настоящим праздником. Сейтжан Омаров непременно читал наизусть что-нибудь из казахского эпоса или из Магжана, либо из творчества деда Ерлана М. Дулатова, которые тогда были под запретом. Саурбек Бакбергенов делился с нами какой-нибудь любопытной историей. А дуэт двух острословов Калихана Искакова и Акима Тарази всегда сопровождался нашим дружным смехом. Сатыбалды Нарымбетов обычно отдавал Ерлану честь и называл его «товарищем полковником». Герольд Карлович общался с нами чаще на казахском. Позднее Когабай Сарсекеев говорил мне, что Бельгер знает сто казахских наименований овцы. С удовольствием мы встречали и Бахытжана Момышулы. . .

Из названных мною писателей ныне здравствует лишь Аким Уртаевич, который в сентябре отметит свой 90-летний юбилей (дай бог ему здоровья!). Калихана Исакова я знала с детства, он был лучшим другом моего отца. У Герольда Карловича брала свое первое и единственное интервью для Казахского радио. Сакен Нарымбетов восхитил меня своим фильмом «Жизнеописание юного аккордеониста», а потом и эссе, которое он любезно написал для сборника воспоминаний о моем отце. У Бахытжана Момышулы я не раз по-соседски бывала в гостях, а его супруга Зейнеб-гате всегда угощала чем-нибудь вкусненьким. Саурбек-ага доверил мне перевод своей сказочной повести – первой для меня достаточно объемной творческой работы. В общем, практически с каждым меня связывало что-то помимо этих встреч в редакции, но иногда их образы всплывают в памяти именно в той незабываемой редакционной обстановке.

И я понимаю, почему. Это было время нашей молодости, время расцвета издательства «Жалын», которое нас сдружило, время моего тесного знакомства с литературной средой, время, когда любимые друзья были каждый день рядом. Это была золотая пора казахстанского книгоиздания: у нас появился общий Дом издательств, практически ежегодно рождались новые издательства, тиражи книг исчислялись десятками и даже сотнями тысяч, развивалось сотрудничество с коллегами из ближнего и дальнего зарубежья. Жаль, что все это в прошлом, книга теряет былую популярность, а у нынешних издателей не литературные, а коммерческие приоритеты.

Ерлана уважали в издательстве: руководство – за профессионализм, интеллект и принципиальность; коллеги – за порядочность, добродушие и юмор; друзья – за широту души, верность дружбе и готовность всегда прийти на помощь. Семь лет я проработала под его началом, сидели мы лицом к лицу, хорошо друг друга изучили и понимали с полуслова. С ностальгией вспоминаю те времена, особенно наши кухонные посиделки – излюбленный досуг советской молодежи.

В 1986 году я стала заведующей детской переводной редакцией, но мы продолжали работать в одном издательстве вплоть до начала 90-х. Тут я хотела бы вспомнить историю, которая характеризует Ерлана как личность, его гражданскую позицию. Конец 86-го запомнился всем декабрьскими событиями. Слухи тогда разлетались мгновенно, и уже с утра мы знали, что на Новой площади собрались студенты. К работе никто не приступал, все обсуждали случившееся. Официальных сообщений не поступало, слухи лишь будоражили, но ничего толком не проясняли, поэтому после обеда многие группами потянулись на площадь, чтобы своими глазами увидеть, что же там происходит.

Картина перед нами предстала достаточно мирная: на трибунах сидели молодые люди, вели себя спокойно, никого не провоцировали, лишь изредка кидались в оцепивших площадь милиционеров снежками. Через громкоговорители к ним то и дело обращались представители ЦК комсомола и городских властей, призывая разойтись. Но никто их не слушал. Было холодно, начинало темнеть, и чем темнее, тем оживленнее становилась суэта вокруг площади. Появились военные, подъехали пожарные машины, как потом стало известно, с водометами. Ощувив нарастание тревожной атмосферы и изрядно промерзнув, мы поспешили по домам.

Наутро стало известно, что протестующих жестоко разогнали, применив водометы и дубинки. Слухи поползли один страшнее другого. Издательство бурлило. Директор, Сейдахмет Бердикулов, пригласил коллектив в свой кабинет и сказал,

что понимает наши чувства, но просит сдерживать эмоции, сохранять спокойствие и не провоцировать органы. Мы разошлись по редакциям, а спустя полчаса Ерлан собрал с десятков надежных молодых парней и предложил отправиться на площадь под видом дружинников, с тем чтобы встать заслоном между восставшими и военными и гасить агрессию во избежание жертв. Эта идея вдохновила ребят, а мы с бухгалтером Жанной Молдагалиевой напросились присоединиться.

Как и в других советских организациях, мы время от времени по предписанию райкома выходили поочередно на вечерние дежурства в качестве дружинников, наблюдающих за соблюдением порядка в общественных местах, так что красные повязки с буквами ДНД (добровольная народная дружина) в издательстве имелись. Надев их на рукава своих курток и пальто, отправились под предводительством Ерлана на место событий. Еще на подступах к площади, на углу Абая и Байсеитовой, увидели колонну молодых людей с плакатами, среди которых особенно выделялся один – с названием статьи Ленина «О праве наций на самоопределение». Кто-то в толпе запел песню Шамши Калдаякова «Менің Қазақстаным», и молодежь ее дружно подхватила. Этот хор звучал так гордо и воодушевленно, что я не удержалась и сказала Жанке: «Вот каким должен быть гимн Казахстана!» Спустя годы так и случилось – мои ощущения, мое восприятие песни, прозвучавшей из уст студентов в памятный Желтоксан, неожиданно оказались пророческими.

Подойдя к площади, увидели разбросанные повсюду палки, булыжники, куски вывороченной откуда-то плитки, сломанные деревья, поваленные ограждения... Потом заметили на Байсеитовой стычку воинственно настроенных девушек и солдат, уже пустивших в ход саперные лопатки. Подлетели к ним. Ребята оттеснили девчонок и принялись их увещевать, чтобы не лезли на рожон, пока их не покалечили. Ерлан же подошел к солдатикам, совсем еще юным срочникам, и поинтересовался, откуда они. Отчетливо помню ответ: «Из Рязани». Попросил их умерить пыл и не трогать девчонок, которым в будущем еще предстоит рожать. Кто-то парировал, мол, есть приказ, но в конце концов разошлись с миром. В другом месте удалось утихомирить группу молодых парней, рвавшихся через оцепление.

Пару часов, выслеживая конфликты, мы ходили по нижнему краю площади от Байсеитовой к улице Мира (Желтоксан), пока не привлекли внимание какого-то ретивого чинуши, устроившего форменный допрос: кто такие, какую организацию представляете, кто вас послал, по чьей разнарядке... Ера спокойным голосом что-то ему наплел, а когда тот скрылся, чтобы проверить сказанное или донести кому следует, дал команду, опасаясь за наши головы, срочно разойтись по домам. Через несколько недель в Дом издательств нагрянули сотрудники КГБ и вызвали по одному на беседу ребят из нашего отряда «дружинников». К счастью, неприятных последствий ни для кого не было.

В начале 90-х Ерлан ушел из «Жалына», открыв филиал московского СП «Интербук», преобразованный затем в ТОО «Интербук-Казахстан». Это был его первый опыт в сфере книгоиздательского бизнеса, причем весьма успешный. Хотя он уже не работал с нами в одном коллективе, как друг и близкий нам человек оставался рядом – этажом ниже, поэтому мы часто к нему наведывались.

Тем временем сферу книгоиздания накрыл бушующий в стране кризис, одновременно стартовал процесс приватизации, который спровоцировал волну

повальных сокращений. Штаты «Жалына» и отделившейся от него «Балаусы» таяли на глазах, заработки съедала чудовищная инфляция, а перед коллегами, потерявшими работу, встал вопрос элементарного выживания.

В марте 1993 года ушла из жизни моя мама. Мы, ее дочери, пребывали в растерянности: что предпринять, за что взяться, с чего начать... На помощь пришли друзья. Ерлан вместе с Батылжаном Муртазаевым взяли на себя всю организацию похорон: выкупили участок на Кенсае, наняли катафалк, заказали венки и т. д. В стране царил такая разруха, что Ерлану даже пришлось самому покупать на стройке необходимые для мусульманской могилы кирпичи. Принять от меня деньги они категорически отказались. Разве я могу забыть, что в это тяжелое для нас время Ерлан первым подставил свое крепкое плечо?!

После «Интербука» он около года возглавлял издательство «Өнер», а потом менял сферу деятельности, став президентом республиканской корпорации Казахского радио и телевидения. Я тоже попала под сокращение, почти ежегодно меняла место службы и наконец на двенадцать лет ушла в свободное плавание, занимаясь творческой работой на дому. Мы стали реже видаться, однако дружеская связь не оборвалась – побывали друг у друга на юбилеях по случаю 50-летия, встречались на радостных и печальных мероприятиях, созванивались. Я была абсолютно уверена, что за помощью в сложной ситуации могу обратиться к нему. И не только я.

Когда Ерлан, вернувшись в книгоиздание, занял нынешний пост, это стало спасением для многих сотрудников бывших республиканских издательств. Всех, кто остался не у дел и обратился к нему за поддержкой, он принимал в свой коллектив, давая шанс обосноваться в «Мектепе» надолго, либо временно, безболезненно поискав другое место. Знаю, что в коллективе Ерлана Абеневича уважают, а некоторые работники просто боготворят. Хотя издательское дело теперь для него бизнес, он не гонится за баснословными прибылями, а думает прежде всего о людях, которые этот доход обеспечивают. О тринадцатых зарплатах «Мектепа» ходят легенды, сотрудники других издательских компаний с нескрываемой завистью делятся новостями о том, что «мектеповцы» получили к празднику очередную премию или отправились в заграничный тур за счет издательства, что в «Мектепе» закатили шикарный корпоратив...

Ерлан сумел вернуть издательству прежний престиж, сделав его одним из трех китов современного учебного книгоиздания Казахстана, и коллектив отметил 70-летие «Мектепа» достойными успехами. В 2024 году старейшему после «Жазушы» издательству страны исполнится 80 лет, не сомневаюсь, что этот юбилей коллектив под руководством Е. А. Сатыбалдиева встретит новыми достижениями.

Имея пятилетний опыт работы в «Алматыкітап баспасы», тоже занимающемся учебной литературой, я не понаслышке знаю, сколько сил и нервов отнимает эта область книгоиздания. Назову лишь часть проблем. Министры науки и образования меняются у нас слишком часто, порой ежегодно, и каждый приходит со своими реформами, что, естественно, отражается и на учебных программах. Они тоже меняются едва ли не ежегодно и сразу вводятся в процесс обучения, поэтому на создание новых учебников отводится крайне мало времени, а в их качестве потом обвиняют только издателей. Слаба экспертиза. Утверждаю это как практик, столкнувшийся с ней на деле: однажды на редактируемый мною учебник мне прислали рецензию, где скрупулезно, на 16-ти страницах приводились пропущенные точки и запятые, опечатки, неправильные переносы, причем часть из выявленных

«недочетов» была явно ошибочной. За пять лет работы в этой сфере я не видела ни одного по-настоящему достойного экспертного заключения по учебникам – с серьезным анализом учебного материала, методологии его подачи, с дельными советами по совершенствованию авторского труда.

Мне кажется, пора отходить от стандартов школьного образования, слепо ориентированных на Болонскую систему, и вырабатывать собственные, опирающиеся на национальные приоритеты, ведь, как оказалось, в западном «райском саду» нас по-прежнему считают «джунглями». Все эти реформы привели лишь к снижению качества нашего школьного образования. А в ближайшем будущем, в рамках соответствия западным стандартам, от нас могут потребовать внедрения в учебные программы темы «гендерной толерантности» и прочих ценностей современного либерального мира.

Работая на дому по договорам, я жила на гонорары, но пару раз мне все же пришлось обратиться за помощью: попросила займы у Ерлана солидную сумму на оплату учебы сына. Когда я, переговорив по телефону, пришла к нему в рабочий кабинет, Ерлан придвинул мне раскрытый гроссбух и сказал: «Запиши имя, дату, сумму и когда вернешь», – а сам пошел к сейфу за деньгами. Сначала я улыбнулась, но быстро все поняла: когда к тебе чуть ли не еженедельно приходят друзья, старинные приятели и просто хорошие знакомые и просят в долг, упомнить все невозможно, а деньги, как известно, любят счет, вот и выручает гроссбух. О чем это говорит? Согласно своим нравственным принципам, Ера просто не может отказать в поддержке людям, обратившимся к нему за помощью. Список в его гроссбухе, похоже, длинный.

Когда в 2019 году я из-за разногласий с новым руководством ушла с последнего места службы, Ерлан просто завалил меня работой по договору над партией новых учебников. С одной стороны, ему требовалась твердая рука опытного редактора, поскольку, к сожалению, ныне в издательствах откровенно слабый редакторский состав, за исключением действующих кое-где ветеранов книжного дела. С другой стороны, он давал мне возможность заработать, прекрасно понимая, что прожить на одну пенсию сложновато. А я в очередной раз испытала прилив благодарности судьбе за то, что у меня есть такой друг.

Можно привести еще немало таких примеров и жизненных историй о нашем друге – прекрасном человеке, первоклассном специалисте, талантливом литераторе. Безумно жаль, что издательский бизнес вынудил его оставить литературное творчество. Хочется надеяться, что не навсегда. Ведь благодаря его перу на русском великолепно звучали произведения таких мастеров казахской прозы, как Мухтар Магауин и Тынымбай Нурмаганбетов, Смагул Елубай и Сатыбалды Нарымбетов.

Что сильнее отражается на формировании личности человека – воспитание или гены? Думаю, и то, и другое. Ерлан Сатыбалдиев – убедительное тому подтверждение. Он рос и воспитывался в замечательной интеллигентной казахской семье. Отец, Абен Сатыбалдиев, был известным журналистом, писателем, ученым-филологом, к сожалению, рано ушедшим из жизни. Кстати, занимался он и литературными переводами, более того, стал теоретиком этой творческой отрасли, защитив диссертацию на тему «Развитие культуры перевода в казахской литературе», а в последний период жизни трудился и на издательском поприще – в Казахской энциклопедии. Как тут не вспомнить о генетической склонности?

Маму Ерлана, Гульнар Дулатову, по праву относят к плеяде великих казахских женщин. Она была старшей дочерью Миржакыпа Дулатова, единственной выжившей из пятерых детей выдающегося представителя нашей культуры, талантливого поэта, писателя, этнографа, просветителя, одного из трех лидеров движения «Алаш», своим пламенным словом пробуждавшего национальное самосознание родного народа. Ей было двенадцать, когда арестовали и сослали в Соловецкий лагерь ГУЛАГа ее отца, но, несмотря на юный возраст, она сумела пронести через всю жизнь любовь и преданность отцу, сохранить его творческое наследие, личные вещи, семейные раритеты, бесценные документы и книги. Большую часть своей сознательной жизни Гульнар-апа прожила с клеймом дочери «врага народа», но не переставала верить, что справедливость восторжествует и народу вернут светлое имя Миржакыпа Дулатова. А пока просто трудилась, став известным врачом-дерматологом и отдав профессии почти полвека. С началом перестройки, выйдя наконец на заслуженный отдых, Гульнар-апа занялась активной общественной и литературной деятельностью: инициировала политическую реабилитацию отца и его соратников по «Алашу», подготовила и выпустила пятитомное собрание сочинений и ряд других изданий Миржакыпа Дулатова, опубликовала множество собственных статей, очерков и эссе, а также авторский двухтомник воспоминаний «Свет истины».

Уверена, по части подготовки и выпуска этих материалов ей помогал Ерлан. Когда на вольном кладбище близ поселка Сосновец в окрестностях Соловков были найдены и идентифицированы останки Миржакыпа Дулатова, именно Ерлан привез в Казахстан драгоценный для всех просвещенных казахов прах своего деда, который с почестями был предан земле на родине поэта.

Возвращаясь к теме генетической предрасположенности, отмечу, что, ко всему прочему, М. Дулатов был и талантливым переводчиком, видимо передав свой дар в наследство внуку, а у его дочери открылись недоюжинные литературные способности – Гульнар-апа была даже отмечена первой премией главной литературной газеты страны «Қазақ әдебиеті» за лучший очерк года.

От своего деда и отца Ерлан наверняка унаследовал литературный талант, благородство и жажду знаний; порядочность, скромность, культура общения, верность в дружбе – плод родительского воспитания. При этом в нем сохранилась такая хулиганская перчинка, выпестованная бесшабашными дворовыми компаниями Алма-Аты 60-х, которая придает ему симпатичное своеобразие.

Под занавес второй июньской недели Ерлану Абеновичу Сатыбалдиеву исполняется 70 лет. От лица всех друзей хочется поздравить его с этой замечательной датой. Люди несовершенны, деньги, высокие посты, власть многих меняют кардинально. Но наш Ерлан не изменился ни на йоту, он такой же прежний Ера, каким я узнала его почти 45 лет назад. За это мы особенно ценим нашего друга и знаем, что таким же родным и узнаваемым он будет и через десять, и через двадцать лет.

